

Коротаев А. В., Халтурина Д. А. *Мифы и гены: Глубокая историческая реконструкция*. М.: Либроком/URSS, 2010.

ISBN 978-5-397-01175-4.

Заключение

Проведенное нами исследование позволяет сделать следующие предварительные выводы:

1. Имеются некоторые основания утверждать, что ареальное распределение фольклорно-мифологических мотивов может статистически значимо коррелировать с пространственным распределением таких генетических маркеров, как гаплогруппы митохондриальной ДНК («материнские линии», mtDNA HG) и Y-хромосомы («отцовские линии», NRY HG).
2. Анализ ареального распределения фольклорно-мифологических мотивов подтверждает выводы, сделанные генетиками, идентифицировавшими Южную Сибирь в качестве места, откуда произошла миграция, представлявшая собой основную волну заселения Нового Света (диффузия соответствующих популяций в Новом Свете оказывается ассоциированной с распространением кловисской и пара-кловисских археологических культур). Действительно, именно в Южной Сибири мы наблюдаем наиболее высокую в Евразии концентрацию америндских фольклорно-мифологических мотивов. С другой стороны оказывается возможным связать с этой волной заселения Нового Света проникновение туда материнской линии (mtDNA HG) C и отцовской линии (NRY HG) Q > Q3.
3. Пространственное распределение циркумгоби-америндских фольклорно-мифологических мотивов статистически значимо коррелирует с распределением mtDNA HG C. Это делает возможным до значительной степени реконструировать мифологический комплекс, принесенный в Новый Свет основной волной его заселения около 13 тыс. л.н.
4. Другая волна заселения Нового Света коррелирует с распределением mtDNA HG B и мотивами «мелазонского» мифологического комплекса, наиболее высокая концентрация которых наблюдается, с одной стороны, в Меланезии, а с другой – в Амазонии. Эти мотивы образуют несколько взаимосвязанных комплексов, что позволяет довольно подробно реконструировать «протомелазонскую» мифологию, принесенную в Новый Свет носителями

mtDNA HG В. Один из таких комплексов взаимосвязанных мотивов принадлежит к группе мифологем «Потерянного рая», H04:¹ *Смерть: смена кож* (D1889.6), H05A: *Люди смертны, змеи бессмертны*, H30: *Ошибочный выбор*². Другая группа включает в себя несколько мотивов, центрирующихся вокруг мифологемы F38: *Конец власти женщин*, F44: *Ссора мужчин и женщин*, F39: *Женщины наказаны*, F43: *Исчезновение первых женщин*, F40: *Общий муж/предводитель женщин*, F41: *Мужья убивают жен*, F45: *Амазонки*, F42: *Мужчины уходят*, F43A: *Исчезновение первых женщин. А. Убивают или преобразуют мужчин*, F16: *Мужчины и женщины: обмен признаками*. Группа солярных и лунарных мотивов тесно связана со всеми остальными группами, так как эти мифологемы встречаются в одних текстах с мотивами других групп, образуя определенное логическое единство с ними в рамках этих текстов. Для «Мелазонии» также характерна очень специфическая космогония, в рамках которой нет необходимости объяснять возникновение земли или людей, так как предполагается, что они существовали всегда, а мифологическая история начинается с появления на земле людей, приходящих туда с иного уровня мироздания, в наиболее типичном случае из-под земли.

5. Частоты материнской линии (mtDNA HG) А в автохтонных сибирских и американских популяциях демонстрируют достаточно сильную и статистически значимую корреляцию с числом мотивов Цикла Ворона в соответствующих фольклорно-мифологических традициях. Есть основания предполагать, что как большинство из этих мотивов, так и соответствующий генетический маркер («арктическая А») были принесены на крайний Северо-Восток Азии и крайний Северо-Запад Америки (т.е. в Трансберингию) позднее материнских линий В и С, а также циркумгоби-америндских, мелазонских и урало-америндских мотивов. Присутствие относительно гомогенной трансберингской «генетико-мифологической» зоны, характеризующейся высокими частотами как материнских предковых линий А, так и трансберингских фольклорно-мифологических мотивов объясняется, с одной стороны, по всей видимости тем, что и те, и другие были принесены в Трансберингию относительно поздними миграциями в эту зону на-дене, эскоалеутов и носителей чукотко-камчатских языков, которые в очень заметной степени вытеснили из Трансберингии как генетические маркеры, так и фольклорно-мифологические мотивы.

¹ Обозначения мотивов даются по системе, разработанной Ю. Е. Березкиным (2000, 2005; www.ruthenia.ru).

² Этот комплекс включает в себя исключительно древние (> 40 000 л.н.) мотивы «возникновения смерти», восходящие еще к эпохе до «выхода из Африки».

вы более раннего населения региона. Но с другой стороны, тот же самый факт, по всей видимости, дополнительно в очень значительной степени объясняется функционированием в регионе вплоть до самого последнего времени трансберингской коммуникативной сети, так как в Голоцене коммуникация через Берингов пролив никогда не прерывалась, что вело к дополнительной гомогенизации зоны как в генетическом, так и культурном отношении. При этом движение через Берингов пролив, вне всякого сомнения, шло в обоих направлениях, в результате чего в азиатскую часть Трансберингии попали не только некоторые специфические новосветные генетические маркеры (прежде всего мужская предковая линия Q3), но и по всей видимости некоторые фольклорно-мифологические мотивы, которые возникли уже в Новом Свете. Возможность миграции некоторых трансберингских мотивов из Нового Света в Северо-Восточную Азию (которую предлагали, хотя и в несколько преувеличенном виде, еще участники американо-российской Джезуповской экспедиции), по всей видимости, подтверждается более высокой концентрацией этих мотивов в американской части трансберингской зоны.

6. Проанализированные данные позволяют предположить, что «урало-америндский» мифологический комплекс был принесен в Северную Америку миграционной волной, имевшей место между 13 и 10 тыс. л.н., т.е. достаточно скоро после основной волны заселения Нового Света.
7. Проанализированные данные позволяют достаточно детально реконструировать космогонический мифологический комплекс, принесенный в Северную Америку «урало-америндской» миграционной волной.
8. Содержание основной версии урало-америндского космогонического мифа может быть реконструировано следующим образом: «В начале времен в Среднем Мире существовал лишь первичный безбрежный океан. Суша была создана из небольшой частички твердой субстанции, принесенной со дна первичного океана. Эта частичка саморастущей земли была принесена после серии ныряний, совершенной несколькими ныряльщиками (в число которых, по всей видимости, входили водоплавающие птицы, в том числе, вероятно, гагары и утки). Ныряния были крайне трудными и продолжительными (например, длиной в несколько дней). Первое ныряние не было успешным (хотя во время этого или последующего неудачного ныряния ныряльщик увидел дно, но не смог его достигнуть и принести землю наверх). Удачливый ныряльщик представлял собой скорее всего небольшую утку

(самую маленькую водоплавающую птицу в серии ныряльщиков, которая оказывается успешным ныряльщиком, благодаря магической энергии, полученной от пославшего ее нырять, и которая вознаграждается за свое успешное ныряние). По-видимому, по крайней мере, один из неудачливых (или непослушных) ныряльщиков – гагара, которая подвергается наказанию за свою неудачу / неповиновение. Принесенная земля помещается на водную поверхность и начинает расти (либо потому, что это – саморастущая земля, либо потому, что к ней применена особого рода магия). Для того, чтобы выяснить, выросла ли земля до достаточного размера, посылаются животные-разведчики. По крайней мере один из разведчиков – белый ворон. В первый раз разведчик возвращается очень быстро (земля все еще очень мала). Во второй раз разведчик возвращается значительно позднее (но земля еще недостаточно велика). В третий раз разведчик возвращается через предельно долгий период времени (например, через несколько лет / или не возвращается вообще, что служит знаком того, что земля наконец выросла до достаточного размера). Во время последней разведки белый ворон ест падаль и характерный запах его выдает. В качестве наказания белого ворона делают черным³. Важную роль в судьбах мира играют мифологические герои, рожденные беременной Небесной Женщиной, изгнанной с неба через дыру (деланную посредством выкорчевывания небесного дерева) за действительные или мнимые проступки. Все полезные людям и вредоносные феномены этого мира со-творены двумя братьями, Добрым Со-Творцом (ДСТ) и Злым Со-Творцом (ЗСТ). ДСТ создает хорошую землю, полезных животных и хорошие растения, хороших людей (предков мы-группы, «своих»), объекты, предполагающие движение, как вверх, так и вниз по течению рек, и т.д.; ЗСТ создает плохую землю (болота, неудобья и т.п.), плохие растения (чертополох и т.д.), плохих животных (ядовитых змей, комаров), плохих людей (предков «чужих»), объекты, предполагающие движение только вниз по течению реки, злых духов, чудовищ и т.д. ЗСТ пытается подражать творческим действиям ДСТ, но с нулевыми или отрицательными результатами (например, подражая ДСТ, ЗСТ пытается сотворить полезное животное, но у него получается лишь менее полезное, бесполезное или вредоносное создание). Между со-творцами начинается конфликт; они

³ В соответствующих сохранившихся текстах (см. Приложение 4) нельзя полностью исключить возможности определенного библейского (или скорее «парабиблейского») влияния; однако, как показано в одной из наших предыдущих работ (Korotayev *et. al.* 2006), вероятность этого очень невысока.

сражаются друг с другом. ДСТ через дыру в земле уходит в нижний мир. Вредоносные творения ЗСТ распространяются по земле из этой дыры. ЗСТ становится хозяином Нижнего Мира / Мира мертвых, откуда он через своих помощников продолжает свою вредоносную деятельность в Среднем Мире (Мир мертвых не обязательно находится просто под этим миром, но может располагаться и в темной, мрачной части этого мира)».

9. Несомненно, что еще на уровне «урало-американского» единства должно было существовать достаточно большое число различных версий этого космогонического мифа; при этом трудно себе представить, что вышеперечисленные мотивы когда-либо были объединены в одном тексте.
10. Мотив дуалистического творения может рассматриваться как относительно поздняя (конца Верхнего Палеолита?) модификация протодуалистических версий мотивного комплекса «Утерянный рай».
11. В целом, учитывая хорошую представленность «протодуалистических» мотивов, как в азиатской, так и в североамериканской зонах ареала урало-американской космогонии, на уровне урало-американского единства можно предполагать сосуществование материнских «протодуалистических» вариантов мотивов «утраченного рая» (типа «протодуалистических» вариантов мотива «Спор о судьбах людей») с по всей видимости дочерними мотивами дуалистического творения. При этом можно предположить, что «протодуалистические» мотивы на этом уровне несколько преобладали над «дуалистическими». В этом случае наблюдаемое пространственное распределение «протодуалистических» и дуалистических мотивов в ареале урало-американской космогонии может объясняться тем, что после распада урало-американского единства дуалистическая космогония испытала очень значительное развитие и распространение в азиатской, но не в североамериканской зоне.
12. По всей видимости, из ЮВА в Северную Евразию проникли лишь протодуалистические космогонические мотивы, которые развились в собственно дуалистическую космогонию только после своего проникновения в Северную Евразию. При этом дуалистические космогонии развились в Северной Евразии (но не в Меланезии) в очень высокой степени из мотивов, принесенных из ЮВА.
13. После отделения американской части «парауральцев», североамериканская и североевразийская ветви урало-американской космогонического комплекса претерпели очень значительное расхождение.

14. В Новом Свете мы наблюдаем развитие на базе урало-американских целого ряда новых мотивов, не засвидетельствованных в североевразийской зоне (например, мотив гибели и оживления ныряльщиков, который на уровне урало-американского единства фиксируется лишь в самом зачаточном виде). Примечательное развитие космогонического комплекса происходит на Северо-Востоке, где комплексы «ныряльщика», «дуалистического творения» и «Небесной Женщины», механически объединенные в урало-американской космогонии, соединяются в одно органическое целое через комплекс «Небесной Женщины» (это, кстати, возможно, объясняет лучшее сохранение мотивов всех трех комплексов в соответствующих фольклорно-мифологических традициях). Однако комплекс «дуалистического творения» не испытал здесь никакого заметного развития, и, по всей видимости, отмер (либо так и остался на «протодуалистическом» уровне) в большинстве фольклорно-мифологических традиций североамериканской «зоны ныряльщика».
15. Развитие рассматриваемого космогонического комплекса в Северной Евразии после распада «урало-американского» единства пошло совсем другим путем. С одной стороны, миф о ныряльщике испытал в Северной Евразии после распада «урало-американского» единства существенные трансформации, превратившись в миф о двух ныряющих птицах (утке и гагаре). Ареальное распределение мотивов относительно поздней «протоуральской» версии мифа о ныряльщике в Северной Евразии статистически значимо коррелирует с пространственным распределением популяций, говорящих на языках урало-юкагирской макросемьи. Однако еще более значимая и сильная корреляция здесь обнаружилась с определенными генетическими маркерами. Эта корреляция была обнаружена при изучении пространственного распределения частот гаплогрупп N2+3 Y-хромосомы, а также гаплогруппы U4 митохондриальной ДНК (как уже было показано до этого, эти маркеры особенно часто встречаются в уралоязычных популяциях) с ареальным распределением уральских космогонических мотивов мифа о двух ныряющих птицах.
16. С другой стороны, в рамках протоуральской мифологии дуалистическая космогония испытала очень заметное развитие, приведшее к развитию нескольких новых комплексов дуалистических космогонических мотивов, таких как «Утаивание», «Кольшек», или «Собака предает человека» (в североамериканских традициях мы находим лишь зачаточные формы этих мотивов). Одной из наиболее радикальных мутаций в рамках поздней парауральской космогонии было органическое объединение в одно целое мотив-

ных комплексов «нырлящика» и «дуалистического творения», в рамках которого ЗСТ становится нырлящиком. Эта нетривиальная трансформация нырлящика в ЗСТ вполне логически вытекает из протоуральской картины мира, реконструированной В. В. Напольских (1991, 1992; Napolskikh 1992).

17. Связь между урало-американской дуалистической космогонией (не называвшейся так в то время) и другой великой дуалистической мифологической традицией, иранской, была предложена более века назад Драгомановым (1892), а позднее эта точка зрения была поддержана Дэнхардтом (Daehnhardt 1907) и Харвой (Holmberg [Harva] 1927). Они предполагали, что урало-американская дуалистическая космогония развилась под влиянием иранской мифологической традиции (через манихейских и параманихейских посредников). Последующие исследования позволили отвергнуть эту гипотезу. Однако полученные нами результаты заставляют предполагать, что определенная связь между этими мифологическими традициями все-таки существовала, хотя основное направление этой связи оказывается прямо противоположным предложенному Драгомановым, Дэнхардтом и Харвой.
18. Дуалистическая космогония НЕ реконструируется на протоиндоевропейском уровне. Единственная ветвь индоевропейцев, имеющая более или менее развитую собственную дуалистическую космогонию, это именно иранцы.
19. До сих пор не найдено данных о лингвистических контактах между протоиндоевропейцами и протоуральцами. Наиболее древние надежно установленные лингвистические контакты между индоевропейцами и уральцами имели место между протофинноугорским населением и (как было показано Хелимским [2000]) носителями вымершего арийского диалекта, соответствующими также носителям федоровской версии андроновской археологической культуры (ранее индоевропейские доноры протофинноугорских заимствований отождествлялись непосредственно с протоиранцами [Хелимский 2000]). Однако, как показывают археологические данные, эта группа ариев принимала самое активное участие в этногенезе иранцев.
20. Самые интенсивные контакты между федоровскими ариями и протофинноуграми надежно документированы как по лингвистическим, так и по археологическим данным. До сих пор нет никаких оснований полагать, что федоровские арии (как, впрочем, и все другие арии или индоевропейцы в целом) исходно имели какую-либо дуалистическую космогонию. Древнейшие свидетельства присутствия дуалистических космогонических мотивов среди иранцев обнаруживаются в ранних авестийских

текстах, датируемых XII–X вв. до н.э. Это приблизительно на 3000 лет позднее эпохи распада уральского единства, для которого уверенно реконструируется достаточно развитая дуалистическая космогония (не говоря уже о том, что существование многих дуалистических космогонических мотивов реконструируется и для на несколько тысячелетий более древнего периода урало-америндского единства). Таким образом, появление урало-америндской дуалистической космогонии никак не представляется возможным объяснить «арийским влиянием». Собственно говоря, значительно более правдоподобным представляется прямо противоположное направление влияния, особенно принимая во внимание тот факт, что федоровские арии (т.е. как раз те арии, которые перед этим находились в наиболее интенсивном контакте с протофинноуграми, обладавшими к этому времени высокоразвитой дуалистической космогонией) достигли района формирования авестийских текстов до начала складывания авестийской традиции. Эта гипотеза находит дополнительное подтверждение по генетическим данным о пространственном распределении материнской линии mtDNA HG U7.

21. Однако контакты между двумя великими дуалистическими традициями после этого вовсе не прекратились. В Иране и Восточном Средиземноморье дуалистическая мифология испытала очень заметное развитие. В манихействе (а также в некоторых параманихейских/парагностиических христианских ересьях) космогонический дуализм приобрел свою наиболее развитую и последовательную [«сильную», «абсолютную»] форму (все более ранние его варианты, включая и поздние уральские, зороастрийские, не говоря уже об урало-америндских, представляли собой не вполне последовательные, относительные, слабые версии космогонического дуализма⁴). Была предложена и гипотеза о

---

⁴ Под последовательным, сильным, абсолютным космогоническим дуализмом мы понимаем дуалистические космогонии, исходящие из представления о ДСТ и ЗСТ как предвечных началах. Близнечные версии дуалистической космогонии (к которым принадлежит подавляющее большинство урало-америндских, поздних уральских и зороастрийских вариантов) практически по определению не являются абсолютными, так как ДСТ и ЗСТ в них не являются предвечными, а выступают в качестве порождения некоего более древнего существа. Отметим, что именно в абсолютных дуалистических версиях речь идет о дуалистических космогониях в полном смысле этого слова. В относительных версиях речь чаще всего идет скорее о геогонии, чем о собственно космогонии, так как космос к моменту появления на свет ДСТ и ЗСТ уже существует. Определенное влияние на формирование в Восточном Средиземноморье абсолютных версий космогонического дуализма по всей видимости оказал платонический дуализм с характерным для него позитивным маркированием идеального, и негативным маркированием материального, что по всей видимости послужило основой для формирования представления о ЗСТ как творце материального мира, идеи, совер-

том, что и само развитие фигуры дьявола в авраамических мифологиях произошло под иранским (а значит, в конечном счете, под опосредованным иранцами уральским) влиянием. Южные версии дуалистической космогонии получили очень широкое распространение как в непосредственно манихейской форме (достигнув на Севере Саяно-Алтайского региона [а возможно даже и некоторых территорий далее на Север]), так и в параманихейских/парагностических версиях (прежде всего через павликианскую ересь, а затем через богомилов и «парабогомилов», прежде всего катаров/альбигойцев). В Восточной Европе распространявшиеся богомильские мотивы столкнулись с уральским дуалистическим субстратом, который, с одной стороны, облегчил распространение богомильских мотивов, а с другой – привел к появлению большого числа синкретических вариантов, объединяющих Северные и Южные дуалистические мотивы.

22. Подчеркнем, что речь здесь не идет ни о чем похожем на т.н. «генетическую память». Речь идет просто о том, что в традиционных культурах роль вертикальной (от родителей к детям) трансмиссии культурно значимой информации (включая сюда, естественно, и мифологемы) играет несравненно более важную роль, чем в современных обществах, характеризующихся преобладающей ролью горизонтальной трансмиссии. Таким образом, в традиционных обществах дети в тенденции получали от своих родителей не только генетические маркеры, но и основной набор культургенов/мемов/семов (включая и мифологемы). Это, конечно, будет зачастую релевантно и по отношению к языку. Вместе с тем следует отметить, что как гены, так и мифы могут достаточно легко преодолевать языковые барьеры (делая это нередко синхронно). Мифологемы в традиционных культурах будут иметь тенденцию распространяться вместе с генами, но не обязательно вместе с языками. Наиболее очевидным каналом здесь являются межэтнические браки. Если женщина после заключения брака оказывается в общине с иной этнической принадлежностью, то ее дети, став взрослыми будут скорее всего говорить на языке своего отца. Но они получают от своей матери отнюдь не только специфическую гаплогруппу ее митохондриальной ДНК. Их мать практически неизбежно расскажет им массу увлекательных историй, содержащих в себе множество мифологем ее этнической группы.

шенно чуждой для более древних (урало-американских, уральских, авестийских) версий дуалистической космогонии.

23. Мы полагаем, что сотрудничество между генетикой и сравнительной мифологией может помочь найти решение для продолжающегося уже много десятилетий спора, о том можно ли рассматривать значительное сходство фонда мотивов в мифологических системах народов, обитающих в далеко удаленных друг от друга областях Земного шара в качестве результата древних контактов, диффузии соответствующих мифологических систем. При отсутствии генетических свидетельств подобных контактов альтернативное объяснение через универсальные «архетипы» может выглядеть вполне убедительно. Однако если в нашем распоряжении оказывается информация об особо близкой генетической связи между соответствующими популяциями, ситуация меняется действительно радикально, и объяснение через происхождение общих мотивов из одного источника начинает выглядеть более убедительным, что может помочь нам идентифицировать значительное число важных характеристик мифологических систем соответствующих популяций на момент разделения общих предков данных популяций, а также основные направления трансформации соответствующих мифологических систем после разделения. Конечно же, это открывает новые перспективы реконструкции эволюции и распространения мифологий. С другой стороны, очень близкое сходство в мотивном фонде удаленных популяций может подсказать направления исследований и для генетиков, так как подобное сходство заставляет предполагать наличие значимого сходства и на уровне генетических маркеров.